

Александр ОЛЕКСЮК

О ВЕЩАХ И ЛЮДЯХ

Р а с с к а з ы

Яйцеварка

Семен Крыжовников, еще относительно молодой человек с аккуратным, округлым животиком и реденькой эспаньолкой, умоляюще смотрел на жену.

— Лен, ты уверена, что прямо сейчас нужно туда ехать? — страдальчески спросил он, делая брови домиком. — Ночь на дворе.

В ЖК «Медведково» тускло горели фонари, детей с игровой площадки уже загнали по домам, вдоль длинной, напоминающей парус двадцатиэтажки гуляли редкие жильцы с маленькими злыми собачками.

— Акция сегодня заканчивается. Понимаешь? Последний день! — раздраженно сказала Лена — склонная к полноте молодая женщина с острыми, как у гарпии, ногтями и решительным, но немного вздорным характером.

Лена сидела в декрете и днями напролет смотрела ролики о здоровом питании. Когда по вечерам она надевала безразмерную бледно-розовую полупижаму и шла гулять с малышом, то одной рукой катила коляску, а другой держала телефон, хитроумно согнув кисть под прямым углом. Аппарат балансировал на одних ногтях и почему-то не падал. Лена автоматной очередью наговаривала в него емкие, отрывистые истины о диетах, отдельном питании, клетчатке и куриных грудках.

Ее истории разлетались по трем тематическим чатам в вайбере, утробно булькая желудочно-кишечной терминологией и специфическим, нажористым сленгом. Например, углеводы она называла «углем», правильное питание — «пэпэшкой», а всех женщин, которые не придерживаются священных принципов «пэпэшки», — «жирухами».

— Одна девушка сидела на сушке. Высохла, как урюк, а потом у нее упал сахар. Надо было гейнер пить или грудочки добавить, а она, глупая

дура, стала наедаться по ночам и сама не заметила, как превратилась в жируху! — тараторила Лена, внушая страх и трепет подписчицам.

В тот день вместе с мужем, мелким столоначальником из городского департамента озеленения и малых архитектурных форм, Лена задумала поехать в торговый центр «Хризоплав» за яйцеваркой.

— Ленюк, мы не успеем. Торговый центр закрывается через час, а туда добираться еще минут двадцать минимум, — тонким, как у мышки-норушки, голоском пропищал Семен.

— Успеем! — гаркнула Лена, заталкивая в бежевый «Киа Рио» автомобильную люльку, в которой мирно дремал розовощекий младенец.

Семен Крыжовников сник лицом, со свистом вздохнул и покорно завел машину. Он немного побаивался жену и, когда говорил с ней, с отворачиванием замечал, что его голос непроизвольно становится писклявым и каким-то умоляюще жалким. Впрочем, общались они нечасто.

— А зачем тебе яйцеварка? Яйца же можно сварить в обычной кастрюле, — дружелюбно поинтересовался Семен, поглядывая на супругу в зеркало заднего вида.

— Тебе что, жалко, что ли? Я сама за нее заплачу, из своих денег, — огрызнулась Лена.

Замолчали.

Поздним вечером понедельника город готовился ко сну. Улицы постепенно пустели, пыльные троллейбусы и трамваи без остановок бежали в депо. А Крыжовниковы ехали за яйцеваркой. Почти всю дорогу до торгового центра светофоры мигали желтым, деликатно пропуская семью без очереди.

На подземную парковку, пугающую своей бетонной, давящей тяжестью, заехали в 23:00. До закрытия магазина оставалось полчаса.

Семен заглушил машину, задумчиво причмокнул и полез открывать заднюю дверь, чтобы достать ребенка — первенца Мирошу. Родив, Лена решила не давать сыну грудь, поскольку до ужаса боялась, что та утратит упругость, вытянется, пожухнет и станет походить на уши соседского спаниеля Клементины. В своих «пэпэшных» чатах они так и называли обвисшие груди «жирух» — «ушки спаниеля».

Однако мальчик не голодал — мама щедро кормила его специальными смесями для грудничков. Он не артачился, привык есть за троих, а когда не давали добавки, так яростно визжал, что Лена, спотыкаясь, бежала на кухню замешивать и подогревать очередную порцию порошковой бурды. Так уж повелось у Крыжовниковых, что на плач малыша, неважно, по какому поводу, оперативно выезжала пожарная команда и тушила детские крики калорийной белково-банановой жижицей.

От такой диеты Мироша активно набирал вес и с каждым днем становился все больше и больше похож на плюшевого Винни Пуха. Лена умилялась, сюсюкала, называла сына «мой Винни» и расставляла пустые банки из-под смесей аккуратной пирамидкой на холодильнике. Кстати, холодильник Крыжовниковых был, словно ветрянкой, усеян сотней

разноцветных стикеров с идиотскими мотивирующими цитатами вроде: «Возненавидь хомячка внутри себя».

— Тсс, не буди его, — зашикала Лена. — Здесь оставим. Мы туда и обратно. Десять минут, не больше.

— Вроде ж нельзя оставлять, — робко промямлил Семен, потом словно спохватился, приподнял плечи и, отводя глаза от свиного взгляда жены, мелко закивал, как ароматизатор-собачка на торпедо их бежевого «Киа Рио».

Лена фыркнула и уверенно зашагала к светлому пятну входа в торговый комплекс. Пустая, циклопических размеров парковка отозвалась глухим эхом ее шагов.

Вопреки надежде быстро и без затей купить яйцеварку, супруги задержались минут на сорок. Продавец долго не мог найти нужную модель и предлагал другую, но покупательница упрямылась. «У вас на сайте она была в наличии, мы специально приехали из Медведково, тащите ее скорее, у нас ребенок в машине», — тараторила Елена.

Флегматичный мальчишка в застиранном форменном поло устало смотрел на нее, густо краснел, заходил в интернет-магазин, несколько раз куда-то звонил и в итоге предложил компромиссный вариант — взять образец с витрины.

— Правда, коробки нет. Возьмете без коробки? — спросил продавец.

— Тыфу ты, какая разница. Чек, главное, дайте. Сколько на нее гарантия? — спросила Лена и вытащила из сумки кошелек.

Она, как и обещала, решила расплатиться сама. Скромный, можно сказать, диетический бюджет Крыжовниковых формировался из чиновничьего жалованья Семена. Его хватало впритык. При этом зарплатная карта «Мир» считалась общей, хотя у Лены имелась и своя кубышка, куда переводились декретные выплаты, а также гонорары за индивидуально подобранные диеты.

— Гарантия — год, — ответил консультант и добавил: — Давайте быстрее, сейчас касса заблокируется, а завтра срок акции истекает, выйдет в два раза дороже.

Когда Крыжовниковы наконец разделались с покупкой, комплекс уже закрыли, и спускаться на парковку нужно было из другого крыла ТРК.

Семен под мышкой нес яйцеварку, она весело поблескивала и напоминала первый искусственный спутник Земли, только без антеннок.

— А куда идти-то, ты понял? — глядя по сторонам, спросила Лена.

— По указателям «Выход», — угрюмо ответил Семен.

Огромный комплекс обезлюдел, еле слышно гудели лампы, в неведомой глубине здания что-то мерно поскрипывало и жужжало.

Сначала супруги просто скользили по начищенным полам, ведомые зелеными табличками с надписью «Выход». Потом, когда поняли, что те их никуда не ведут, стали внимательно смотреть по сторонам. Выхода не было.

— Мы секцию с кинотеатром проходили уже? — Елена вызывающе посмотрела на мужа. — Там сто процентов должна быть схема эвакуации.

— Кажется, проходили. Или нет, не знаю.

— Кажется ему, — зло прошипела Лена.

В разгар дня, в толпе и шуме Крыжовниковы без проблем выбрались бы из «Хризоплава», даже особо не раздумывая, интуитивно. Шли бы, шли да и вышли. Однако в пустом, тихом, полутемном торговом комплексе они оказались в шкуре заблудившихся грибников или, скорее, лабораторных крыс, бегающих по лабиринту вивария.

Супруги сворачивали влево, вправо, снова влево, нервничали, спускались и поднимались по застывшим эскалаторам и проходили мимо витрин, большинство из которых арендаторы наглухо закрыли железными рольставнями.

Витрины в металлических доспехах, похожие друга на друга как близнецы, еще больше запутывали Крыжовниковых, отнимая у них возможность ориентироваться.

Не помогли и вывески — они оказались скрыты за ставнями, а двуногие рекламные штендеры с названиями салонов нижнего белья, мягкой мебели и моющих пылесосов заблаговременно убрали в павильоны, чтобы они не мешали уборщикам.

Напряжение нарастало, не давал покоя оставленный в автомобиле ребенок.

«Может, его украли? Или увезли на эвакуаторе? Мало ли, вдруг здесь после закрытия ТРК нельзя на парковке оставлять машины и их увозят», — думала Лена.

— А люди-то где? Должны же здесь быть люди? Охранники там, уборщики. Почему никого нет? Так бы хоть дорогу спросили, — растерянно сказал Семен.

— Оно им надо? Сидят где-то в своих каптерках и чай гоняют, телик смотрят или какую-нибудь фигню в интернете, — не останавливаясь, ответила Лена.

Каждый раз, ожидая, что за поворотом окажется лестница или лифт, Крыжовниковы словно проваливались в очередной холл или коридор, похожий на предыдущий, в белых ребристых ставнях.

Лена от злости топала ногами, Семен нервно посмеивался. Ему ситуация виделась до смешного абсурдной, но вместе с тем жутковатой.

В принципе, Крыжовников прекрасно понимал: худшее, что может случиться с Мирошей, — это пробуждение в одиночестве и плач до хрипоты. Никакой по-настоящему серьезной опасности нет. Ну испугается, поорет. Главное, в машине не холодно и не жарко, она закрыта, все нормально.

С другой стороны, с каждым новым бессмысленным поворотом в душе Семена закипало варево иррациональной, необъяснимой тревоги.

Пугала тяжелая бетонная пустота парковки, посреди которой сопел маленький человек.

Семен старался бодриться и не подавать виду, что боится.

— Сейчас по карте посмотрю в телефоне, — обрадовался он внезапно и полез в карман.

Сеть, увы, не ловила.

— Нет связи.

— Надо было тебе с малышом остаться, я б сама сбегала. Вдруг он проснулся и орет там? — нервно сказала Лена, размахивая черным зеркалом телефона. У нее тоже не было связи.

— Я и сказал, нельзя оставлять его одного, а ты на меня так посмотрела, что я это самое... — поспешно начал оправдываться Семен.

Тысячу раз он давал себе зарок больше никогда так не делать и «быть настоящим мужчиной» — уверенным, ироничным, снисходительным, — но гаденькие, предательские оправдания вылетали из его рта произвольно.

— Эце са-ма-е, — передразнила Лена, хотя где-то глубоко внутри понимала, что сама виновата.

Лена, подобно мужу, тоже чувствовала саднящую тревогу, но вдобавок к ней страдала какой-то устоявшейся, многолетней тоской, осевшей на сердце. Словно они уже очень давно потеряли ребенка в этом чудовищном лабиринте и теперь каждый год возвращаются сюда, чтобы снова и снова пройти по пустым коридорам без особой надежды разыскать малыша.

Лена по привычке трансформировала переживания в холодную враждебность к Семену. Она часто так делала, когда испытывала неприятные чувства, и довела этот навык до автоматизма.

Супруги продолжили бессмысленно кружить по зданию. Несколько раз они возвращались в одно и то же место — секцию с остывшими кафе и закулочными. Это был атриум восьмиугольной формы, пропахший до арматуры жареной картошкой и подгоревшим мясом.

В центре зала стоял выкрашенный белой краской симпатичный колодезный домик. По виду — часть какой-то рекламной кампании. На упитанных округлых бочках сруба отпечатались черные следы подошв. Набив животы, дети отправлялись на штурм колодца, пока их родители утробно переваривали бургеры и в соцсетях машинально читали «бизнес-цитаты», советы коучей и доморощенных диетологов.

Семен аккуратно поставил яйцо варку у колодца и с надеждой заглянул в него. Вдруг там лежит подсказка, как им выбраться из «Хризоплава»? Но подсказки не оказалось. На дне приглушенно мерцал экран с рекламой микрофинансовой организации: «Колодец желаний! Оформляем кредиты до пятидесяти тысяч рублей по одному документу. Всего за пять минут!»

— Опять этот проклятый колодец, хоть топись в нем! — с досадой пробормотал Семен, опираясь на сруб.

— Коли ты такой умный, почему не настоял, чтобы я одна шла? — не унималась Лена. — Чё ты как баба? Вечно мямлишь. Сказал бы, что останешься с сыном, и точка. Так нет же, пошел за мной хвостиком.

— Если б я остался, ты бы одна тут плутала со своей дебильной яйцо варкой. Поняла? — впервые повысил голос Семен. — На хрен она тебе вообще сдалась?

Лена знала слабое место супруга — нехватка мужественности — и, когда особенно злилась, проходилась по благоверному каблуками. Дома Семен молча отступал на кухню и начинал мыть посуду, чтобы отвлечься. Но здесь такой возможности не было.

— Ну и плутала бы, от тебя все равно нет никакого толка. А зачем она мне — не твое дело. Яйца твои варить. Слышишь?! Хотя чего это я? У тебя ж их нет! — натужно засмеялась жена.

— Лучше молчи, Лена, — злобно прошипел Семен, играя желваками. Он сжал кулаки, глубоко вздохнул, медленно поднял с пола яйцо-варку и, криво улыбаясь, сделал шаг в сторону супруги.

Взгляд Крыжовникова был нездешним, будто обращенным внутрь себя.

— Мол-чи-и, — одними губами сказал Семен и сделал еще один шаг к жене.

Лена отступила, поняв, что переборщила, и напряглась. В этот момент она почувствовала, как сильно любит сына и как хочет скорее к нему прижаться. Почему-то все ушло: ненависть к мужу, страх, раздражение. Осталось только желание проломить бетонный пол атриума и буром устремиться вниз, к машине, где, вероятно, захлебывается от плача Мироша.

— Смотри! — крикнула Лена.

Семен вздрогнул и словно проснулся.

В конце коридора, который вел в зал, церемониально проезжал уборщик на поломочной машине, похожей на механическую свинью.

Семен поставил яйцо-варку и бросился к уборщику, как к спасательной шлюпке.

Лена побежала за ним. Уборщик плохо говорил на русском, слабо понимал, чего от него хотят эти люди и почему они так взволнованы, но все-таки объяснил, как выйти на парковку.

Оказалось, выход из этого крыла располагался неподалеку от атриума, но из-за крошечного павильона со смешными носочками, который воткнули в центре коридора, дверь вниз была едва различима.

Через минуту Крыжовниковы спускались в лифте. Молчали. На парковке слабо горели плафоны. «Киа Рио» спокойно стоял на месте и казался еще меньше, чем в реальности.

Мироша безмятежно сопел в своем кресле.

— Спит, — выдохнула Елена и погладила сына по щеке тыльной стороной ладони.

— Слава богу, — сказал Семен.

Он обнял жену, и они какое-то время стояли неподвижно. Лена плакала, как человек, мимо которого прошла смерть.

— Не плачь, родная, — успокаивал ее Семен. — Ничего ж не случилось, глупость какая-то, наваждение.

Когда ехали обратно, на улице уже светало.

— Слушай, а яйцо-варка-то где? — спросила Лена, когда они заезжали в Медведково.

— Блин, я ее, похоже, у колодца оставил! Вернемся? — со смехом сказал Семен.

— Не надо, — тихо ответила жена.

На следующее утро Лена разобрала пирамидку из банок от питательных смесей, Семен вынес их на помойку.

ТПС-54

В антикварный магазин «Клавесин» вела петляющая тропинка, зажатая с одной стороны палисадниками, с другой — бетонными спинами гаражей. В палисадниках рос щавель и фиолетовые мальвы на длинных стеблях, напоминающих страусиные шеи, а гаражи тонули в зарослях крапивы и лопуха.

Узкая тропа терялась в бурьяне, текла сквозь него, как ручеек, но никогда не зарастала, отшлифованная тысячью ног. Магазин имел культовый статус, о нем знали абсолютно все местные алкоголики, тащившие туда гусей и оленей из фарфора, чайные пары и хрустальные вазы из старых советских сервантов, тяжелые угольные утюги и дореволюционные молитвословы. В «Клавесин» спешили также пожилые коллекционеры, похожие на городских сумасшедших, пронырливые перекупщики с серыми лицами и бегающими глазами, какие-то невнятные старички в беретах.

Я нес туда тяжелый ламповый радиоприемник «ТПС-54» в зеленом, «армейском» корпусе, из которого облезлым хвостом свисал кусок провода без вилки. Приемник хитрил и постоянно пытался выскользнуть из вспотевших рук, чтобы непременно разбиться вдребезги и оставить меня без надежды на деньги, которые можно выручить с его продажи. Я останавливался, кряхтя, укладывал его тушку в лопухи и, чтобы высушить руки, вытирал их о штаны.

Путь к «Клавесину» казался бесконечным, хотя ТПС весил не так уж и много, килограммов пятнадцать, не больше. Но конструкторы Петропавловского завода имени Кирова, которые сделали его в 1950-е годы, не предусмотрели в крепко сбитом ламповом теле ни ручки, ни выступов, ни желобка. Тащи как хочешь, хоть на санях вези, хоть на лошади, хоть волокушей.

Я трагически влачил радиолу в магазин, как на плаху, придерживая ее корпус растопыренными руками и животом. С каждым шагом мне все меньше нравилась идея продать отцовский приемник. Во-первых, жалко, я помнил его с детства, во-вторых, разве за него выручишь много?

ТПС-54 выглядел потрепанно и непрезентабельно — весь в маленьких коцках, царапинах, вмятинах и коррозии. В детстве я любил простукивать его сапожным молоточком. Аппарат уже давно не работал, даже вилка куда-то запропастилась. Все в нем было уныло и сломано: прозрачную линейку настройки частот, качающуюся маятником, заклинило; лампочка — индикатор включения с уютным зеленоватым светом — погасла; стекло шкалы треснуло.

Можно сказать, я нес к антиквару скелет ТПС-54 — мертвую радиолу, которая ловит только «радио мертвых». Однако больше у меня ничего не было — лишь трухлявый дед ТПС.

Магазин работал с понедельника по пятницу, без вывески, в подвале простой панельной девятиэтажки. Я с трудом дотащил приемник, посмотрел на мальвы — может, развернуться? Плюнул, открыл тугие двери и стал медленно, прислонившись бедром к стене, спускаться вниз. Запахло половыми тряпками и чем-то сладко-затхлым, то ли беляшами, то ли пельменями с уксусом.

Меня встретил высокий, близорукий человек около пятидесяти, с заостренным лицом и длинными волосами, такими сальными, что казалось, будто он специально смазал их жиром. Когда-то я читал, что так делали девушки на Чукотке. Хозяин «Клавесина» и сам был какой-то ветхий и антикварный — в синтетическом свитере в катышках, старых, затертых джинсах с выпуклыми, сморщенными и слегка желтоватыми коленками, с золотыми зубами во рту. Я решил, что он спустился в этот подвал лет тридцать назад, сплел там паутину и засел мизгирем.

— Что у вас? — резко спросил антиквар, щуря маленькие глаза за толстыми линзами очков.

Несмотря на обилие в продаже всякой мелкой бытовой чепухи, в лавке было тускло, а еще очень сыро. На лбу у фарфоровой девы с кувшином сидела мокрица.

— Приемник, ТПС-54, — как можно более приветливо сказал я и, охая, водрузил своего лампового товарища на прилавок.

— Ерунда, — скривился антиквар. — Сколько вы за него хотите?

Меня больно уколола грубость — все-таки отцовский приемник. Я вспомнил восьмидесятые годы. Папа что-то постоянно паял в своей каморке, курил, ловил по ТПС «Голос Америки» и пил крепкий чай прямо из литровой банки — «бадиной». А тут вдруг — «ерунда». Тем не менее ситуация с деньгами была настолько печальной и бесперспективной, что я проглотил колючий комок обиды и сказал:

— Ну, я смотрел объявления, там такие тысячи по четыре продают.

Про себя я подумал, что готов продать и за две.

— Так там нормальные приемники. У вас в каком состоянии? Видите? — Антиквар стукнул грязным ногтем по корпусу радиолы, на котором белели мои кривые инициалы, выцарапанные в детстве ножницами. Я прекрасно помнил, как их царапал во втором классе — на всякий случай, чтобы доказать право собственности, если ТПС вдруг похитят.

— Сколько? — спросил я уже суровее.

— Пятьсот рублей, не больше. На запчасти он никому не нужен. А корпус, в принципе, пригодится. Есть одна идейка для интерьера. — Продавец вытащил из ниши стола недоеденный беляш и с чавканьем откусил.

Мама рассказывала, как, будучи девятнадцатилетней девчонкой, под Новый год везла этого «железного канцлера» из Петропавловска в Лабитнанги в подарок своему мужу — моему отцу, который по

комсомольской путевке работал там радиотехником. Хотела сделать сюрприз, но едва не надорвалась, таская приемник в большом коричневом чемодане. Прямого сообщения между Петропавловском и Лабытнанги не было, и требовалось сделать несколько пересадок.

В Тюмени маму — худенькую даже в широкой, теплой дубленке — заметили обходчики путей. Она горько плакала на перроне, не в силах больше влачить тяжелый багаж. Железнодорожники помогли донести чемодан до вагона, а на прощание пригнали откуда-то детские санки с кривой алюминиевой спинкой. Подарили. Приемник ехал в санях барином, после того как вездеход «Урал», который перевозил маму из Салехарда в Лабытнанги по зимнику Обской губы, на подъезде к городу внезапно сломался и пять километров маме пришлось идти пешком.

С тех пор старик ТПС стал нашим спутником — хрипящим, кряхтящим, шипящим, говорящим разными голосами, — членом семьи, свидетелем печалей и радостей. Он был с нами, когда отпевали папу и когда мы навсегда покидали Север. Потом уже я тащил его в санях с алюминиевой спинкой по зимнику Обской губы, морщась от колючего снега и ветра. Папа когда-то говорил, будто ТПС такой старый, что сможет словить «радио мертвых». Мол, в какие-то особые дни можно настроиться на их частоту. Я часами крутил ручку в разные стороны, надеясь в шипении уловить «мертвые» позывные, но ничего не улавливал, и успокоился, лишь когда вырос и догадался, что отец пошутил.

Долгие годы приемник стоял под столом на кухне, иногда я ставил на него ноги, зная точно, что он не обидится и даже, наверное, рад.

— Как-то мало для такой вещи. Она ж вечная, тогда все на совесть делали, — сказал я, плохо скрывая отвращение к жующему беляш продавцу. Я уже несколько дней нормально не ел, разве что заварил бич-пакет перед выходом, но гнилостный запах фарша почему-то не пробуждал аппетит, а наоборот — притуплял и вызывал приступы тошноты.

— Что делали на совесть? — чавкая, спросил антиквар. — В советское? На совесть? Вы меня не смешите. Тоже мне.

— Ну да. Машины на Кубе до сих пор ездят — «победы» всякие, «Волги». И холодильники работают — ЗИЛ и ТПС опять же.

Антиквар зло рассмеялся:

— Холодильники они делали на совесть, а мы — знаете что? Ходили в один унитаз. На весь дом один унитаз, представляете?

Подвальный паук заиграл желваками и заметно покраснел.

— Я в детстве жил в Свердловске, и у нас на весь дом стоял один унитаз, — чуть не кричал мужчина. — В один унитаз гадили! Подумать только. В нормальных странах такого быть не может, а вы говорите — на совесть...

— Зато в космос летали, — парировал я. — И в области балета, как пел Визбор, мы впереди планеты всей.

Мне стало весело и смешно, мужчина показался очень комичным в своем подземелье в окружении ненужного, пыльного хлама, с беляшом во

рту. Такие персонажи часто бывают на митингах за все хорошее против всего плохого — с лозунгами на картонках.

— В космос они летали и срали в один унитаз! — перешел на крик антиквар, из его рта полетели кусочки фарша, я едва успевал от них уворачиваться. — В коммуналке жили, коридор длинный-длинный, а в конце коридора туалет, и там один унитаз. На всех! Рассказывайте мне про космос! Кому нужен ваш космос и ваш балет, когда в конце коридора один унитаз!

— Зато у каждого свой стульчак на стене. — Я вспомнил рассказы своего приятеля, он провел детство и отрочество в коммуналке и много, со знанием дела описывал ее специфический быт.

— Ну да, — слегка успокоился продавец. — На стене стульчак. Это обязательно. Строго. У нас голубой был. В общем, пятьсот рублей. Не больше. Отдаете? — Антиквар окончательно взял себя в руки.

— Нет, конечно, вы его в жертву принесете, распотрошите, как рыбу. Я взял ТПС и медленно потащил к выходу.

— Ну как хотите, — сказал вдогонку продавец и вздохнул.

Вечером я заварил себе бич-пакет, купленный на последние пятнадцать рублей, накрошил туда щавеля, надерганного в палисаднике у «Клавесина», и не спеша, торжественно приступил к трапезе. Настроение было светлым и праздничным. Занавеску трепал теплый летний ветер, мотылек бился в стекло, ноги под столом упирались в прохладные бока «радиолы для мертвых».

